

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Залог в системе имущественных мер принуждения»

Студент

М.Ф. Сатдаров

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, О.А. Кожевников

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Аннотация

Уголовно-процессуальная политика – одно из важных реализуемых государством направлений деятельности в целях обеспечения прав и законных интересов всех лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Соответственно, в качестве одной из приоритетных задач в данной сфере возможно рассматривать разработку и принятие тех законов, посредством которых были бы ясно и четко регламентированы полномочия субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Только таким образом можно обеспечить в действительности продекларированные гарантии надлежащей охраны прав, свобод и законных интересов всех лиц, вовлеченных в уголовно – процессуальную сферу, в особенности, тех, в отношении которых реализуется уголовно-процессуальное принуждение.

Наиболее яркое свое проявление принуждение находит в мерах пресечения, поскольку при их применении в рамках уголовно – процессуальной деятельности осуществляется вторжение в сферу прав, свобод и законных интересов личности. Поэтому, в каждом конкретном случае, когда возникает необходимость применить ту или иную меру пресечения, правоприменитель должен тщательно подходить к решению вопросу о том, какую из возможных более целесообразно применить в конкретном случае, чтобы она отвечала достижению целей уголовного судопроизводства, и, при этом, не ущемляла излишне права и свободы подозреваемых, обвиняемых.

Цель исследования заключается в комплексном анализе меры пресечения в виде залога, выявлении проблем правового регулирования и правоприменения, выработке предложений по их разрешению.

Структура работы: введение, три главы, семь параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Меры имущественного принуждения в уголовном судопроизводстве	8
1.1 Уголовно-процессуальное принуждение: понятие, виды и система	8
1.2 Меры имущественного принуждения: понятие и виды	17
Глава 2 Залог как мера процессуального принуждения	34
2.1 Понятие залога и его место в системе мер пресечения	34
2.2 Цели, основания и условия применения залога	36
2.3 Предмет и размер залога	46
Глава 3 Проблемы правового регулирования залога как мер пресечения	50
3.1 Анализ следственной и судебной практики применения залога	50
3.2 Проблемы определения правового положения залогодателя	55
Заключение	63
Список используемой литературы и используемых источников	69

Введение

Актуальность темы исследования. Уголовно-процессуальная политика – одно из важных реализуемых государством направлений деятельности в целях обеспечения прав и законных интересов всех лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Соответственно, в качестве одной из приоритетных задач в данной сфере возможно рассматривать разработку и принятие тех законов, посредством которых были бы ясно и четко регламентированы полномочия субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Только таким образом можно обеспечить в действительности продекларированные гарантии надлежащей охраны прав, свобод и законных интересов всех лиц, вовлеченных в уголовно – процессуальную сферу, в особенности, тех, в отношении которых реализуется уголовно-процессуальное принуждение.

Наиболее яркое свое проявление принуждение находит в мерах пресечения, поскольку при их применении в рамках уголовно – процессуальной деятельности осуществляется вторжение в сферу прав, свобод и законных интересов личности. Поэтому, в каждом конкретном случае, когда возникает необходимость применить ту или иную меру пресечения, правоприменитель должен тщательно подходить к решению вопросу о том, какую из возможных более целесообразно применить в конкретном случае, чтобы она отвечала достижению целей уголовного судопроизводства, и, при этом, не ущемляла излишне права и свободы подозреваемых, обвиняемых.

В силу особой специфики мер пресечения и их ограничительного воздействия на тех лиц, к которым они применяются, регламентация рассматриваемого уголовно-процессуального института должна быть настолько совершенной, чтобы не создавать малейшей возможности неверного толкования соответствующих норм, их неверного применения. Все это требует выработки четкого понятийного аппарата, детальной регламентации оснований и порядка применения каждой меры пресечения, посредством чего может быть обеспечен дифференцированный подход к

выбору конкретной меры пресечения, к исключению злоупотреблений, ошибок в принимаемых решениях.

Комплекс мер пресечения, существующих в российском уголовно – процессуальном законодательстве, в настоящее время достаточно широк, что позволяет в каждом случае определять ту, которая наиболее полно обеспечит достижение целей уголовного судопроизводства.

Самой суровой является заключение под стражу, но именно в силу тех ограничений, которые вынуждено претерпевать лицо, подвергнутое данной мерой пресечения, и законодатель, и правоприменители постоянно находятся в поиске альтернатив, посредством которых при наименьшем вторжении в права и свободы лица можно было бы эффективно обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства. В качестве одной из таких мер пресечения выступает залог, в уголовно-процессуальной науке ее традиционно рассматривают в качестве альтернативы заключения под стражу, но в действительности вряд ли можно признать ее таковой, поскольку применяется она существенно реже, чем самая строгая из мер пресечения, да и вряд ли она способна обеспечить достижение целей мер пресечения на том же уровне, что и заключение под стражу.

К сожалению, и попытки законодателя по реформированию нормы, регламентирующей залог как меру пресечения, не смогли разрешить всех проблем и недостатков, в силу наличия которых она используется недостаточно активно.

Представляется, что потенциал данной меры пресечения достаточно высок, она – единственная из всех, которая обладает имущественным характером, что в ряде случаев может выступать эффективным средством обеспечения соблюдения подозреваемым, обвиняемым соответствующих ограничений, однако, требуется четко определить основания и порядок избрания залога, разрешить ряд вопросов, которые и сейчас не находят ответа ни у правоприменителей, ни у исследователей, в частности, вопросы правовой природы залога, оснований избрания данной меры пресечения, вопросы

определения верхнего порога стоимости залогового имущества, а также круга субъектов, имеющих право ходатайствовать об избрании данной меры пресечения.

Вышеуказанным и обусловлена актуальность данной темы.

Степень разработанности темы исследования. Отдельные аспекты такой меры пресечения, как залог, проблемы, связанные с ее применением в уголовном судопроизводстве, рассматривали в своих трудах многие авторы. В качестве наиболее значимых можно привести работы С.В. Богданчикова, С.И. Вершининой, Т.Б. Гараевой, З.З. Зиннатулина, Д.Р. Исаева, В.М. Корнукова, А.С. Фокина, Т.И. Шаповаловой и др.

Цель исследования заключается в комплексном анализе меры пресечения в виде залога, выявлении проблем правового регулирования и правоприменения, выработке предложений по их разрешению.

Для написания данной цели были поставлены следующие задачи:

- проанализировать уголовно-процессуальное принуждение, определить его понятие, виды и систему;
- рассмотреть понятие и виды мер имущественного принуждения;
- раскрыть понятие залога и определить его место в системе мер пресечения;
- определить цели, основания и условия применения залога;
- рассмотреть предмет и размер залога;
- провести анализ следственной и судебной практики применения залога;
- выявить проблемы определения правового положения залогодателя

Объект исследования— отношения, складывающиеся в сфере применения меры пресечения в виде залога в уголовном судопроизводстве.

Предмет исследования составляют правовые нормы, научные изыскания по теме исследования и правоприменительная практика.

Теоретическую основу исследования составили труды следующих ученых: С.В. Богданчиков, С.И. Вершинина, Т.Б. Гараева, З.З. Зиннатулин, Д.Р. Исаев, В.М. Корнуков, А.С. Фокин, Т.И. Шаповалова и др.

Нормативная база исследования основывается на Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, иных федеральных законах и нормативно – правовых актах, регламентирующих отдельные аспекты применения залога в Российской Федерации.

Методология и методы. При написании работы применялись системный и информационный подходы, методы диалектики, моделирования, межотраслевых исследований и другие.

Структура работы: введение, три главы, семь параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Меры имущественного принуждения в уголовном судопроизводстве

1.1 Уголовно-процессуальное принуждение: понятие, виды и система

Одним из средств обеспечения осуществления уголовно-процессуальной деятельности являются меры уголовно-процессуального принуждения. Для того, чтобы составить представление об их содержании и сущности, требуется определиться с понятийным аппаратом. Прежде всего, проанализируем, что представляет собой термин «принуждение». В лексическом значении оно рассматривается как производное от глагола «принудить», означающее «заставить сделать что-то» [37, с. 95].

В праве принуждение рассматривается как средство осуществления государственной власти. Власть и право находятся в жесткой детерминированной связи друг с другом. В том случае, когда право не опирается на власть, такое основополагающее свойство права, как общеобязательность, ставится под сомнение. С этой точки зрения принуждение в целом необходимо рассматривать как метод реализации любой власти, а государственное принуждение - как метод осуществления государственной власти, применяемый в целях подчинения воли того или иного субъекта государственной воле, в целях реализации правовых предписаний, содержание которых отражает государственные интересы.

В теории права, между тем, имеются самые разнообразные подходы к определению понятия «государственное принуждение», в частности, исследователи предлагают понимать его и как метод осуществления государственной власти лишь один из них [38, с. 13], и как метод руководства обществом [9, с. 98]; и как форму функционирования государственной власти [9, с. 9]; как средство правления [55, с. 31]; как часть государственных функций [33, с. 7] и т. д.

По справедливому замечанию С.С. Алексеева, право: «...выражает лишь возможность применения государственно-принудительных мер в тех случаях, когда лица не исполняют возложенных на них юридических обязанностей, когда возникают препятствия в осуществлении субъективных юридических прав. Иначе говоря, в праве принуждение как бы находится на втором плане, существует до известного времени в «скрытом виде» [3, с. 108].

Право не может существовать без государственного принуждения. Это, в свою очередь, обосновывает тот факт, что и уголовный процесс, как вид правовой деятельности, регламентированный нормами уголовно-процессуального права, также не может достаточно эффективно функционировать без использования принудительных средств. Отсюда можно дать следующее понятие уголовно-процессуального принуждения. Это вид государственного принуждения, представляющий собой метод осуществления государственной власти в сфере уголовного судопроизводства, используемый уполномоченным на то субъектом для охраны уголовно-процессуального права от посягательств на его нормы и обеспечения законных интересов общества и государства.

При этом, как вид государственного принуждения, уголовно-процессуальное принуждение одновременно обладает и общим с ним набором сущностных свойств, и совокупностью специфических, характерных только для этого вида принуждения, особенностей, отличающих его от других видов государственного принуждения в пределах этого родового понятия.

Так же, как и в случае с определением понятия государственного принуждения, перечень его признаков не нашел единообразного толкования в теории права.

Анализ научной литературы по этому вопросу показал следующее. В целом, если охарактеризовать обобщенную картину, можно констатировать, что ряд признаков государственного принуждения, так или иначе, упоминаются в большинстве работ. К их числу относятся следующие:

- государственное принуждение - это целенаправленная деятельность, т. е. оно всегда имеет цель (при том, что само содержание цели государственного принуждения в той или иной трактовке различается);
- государственное принуждение всегда сопряжено с правоограничениями или лишениями для субъекта, в отношении которого оно применяется;
- государственное принуждение всегда применяется при наличии определенных оснований;
- государственное принуждение регламентируется правовыми нормами (как вариант: осуществляется в форме правоотношений).

Кроме того, к признакам государственного принуждения некоторые ученые относят такие признаки, как: физическое, организационное и дисциплинарное воздействие как содержание государственного принуждения; реализация государственного принуждения в виде особых принудительных мер; наличие у государственного принуждения юридического основания; государственное принуждение представляет собой форму правоприменения; государственное принуждение реализуется в рамках охранительного отношения.

В принципе, перечисленные выше признаки применимы к характеристике государственного принуждения, в целом, и уголовно-процессуального принуждения, в частности. Что же касается признаков второй группы, то здесь, не все так однозначно. Дело в том, что признак это имманентно присущая, неотъемлемая качественная характеристика того или иного явления, в отсутствие которой данное явление теряет свои качества. Соответственно, никакая другая характеристика, помимо таковой не может рассматриваться как признак (свойство) явления. А характеристики, второй группы, как представляется, как раз и не обладают свойством неотъемлемости [23, с. 19].

Среди качественных характеристик второй группы есть и такие, которые по своей сути идентичны свойствам первой группы, отличаясь от тех лишь формулировкой. В частности, такие свойства как «наличие у государственного принуждения формы правоприменения» или «осуществление государственного принуждения в рамках охранительного правоотношения» являются ничем иным, как вариацией свойства нормативности государственного принуждения (его регламентации правовыми нормами). Как известно, правоприменение - это вид деятельности, основанный на правовых предписаниях. А поэтому, называть государственное принуждение формой правоприменения, то же самое, что признавать за ним свойство нормативности.

Нельзя не согласиться и с тем, что государственное принуждение является отношением, складывающимся между действительным или потенциальным правонарушителем и государством или тем государственным органом, которые применяют государственное принуждение. Однако, если в качестве его свойства называть «охранительное отношение», тем самым подчеркивается не фактическая, а правовая природа государственного принуждения, так как любое «охранительное отношение» - это правоотношение, т.е. отношение, регламентированное правом, что также равнозначно свойству нормативности.

Кроме того, в зависимости от цели применения принуждения, оно вполне может реализовываться не только в рамках охранительного правоотношения. Следовательно, если признать, что наличие такого отношения - это свойство государственного принуждения, в целом, необходимо согласиться и с тем, что принуждение, складывающееся в форме регулятивного отношения, направленного на обеспечение государственных или общественных интересов, такому признаку не соответствует, что также нарушает критерий неотъемлемости свойств государственного принуждения.

Одним из самых обсуждаемых признаков государственного принуждения является его свойство, согласно которому оно выступает исключительно в виде «особых принудительных мер».

В этом не трудно убедиться, анализируя, положения современного уголовно-процессуального закона. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ имеется отдельный раздел, который так и называется «Меры процессуального принуждения» (раздел IV УПК РФ). Однако возможность применения государственного принуждения в ходе производства по уголовному делу вовсе не исчерпывается этими «особыми принудительными мерами». Государственное принуждение в уголовном процессе вполне может существовать и в иных формах. Например, применение принудительного метода уголовно-процессуального воздействия характерно для большинства следственных действий, в ходе производства которых закон допускает применение различных правоограничений как общего (принудительное, вопреки воле правообладателя ограничение неприкосновенности личности, жилища, тайны, частной жизни и др.), так и специального (запрет отказа от дачи показаний; запрет лицам, присутствующим при обыске, покидать место обыска, общаться друг с другом или иными лицами и др.) характера. Правоограничения при этом не всегда связаны с принуждением, последнее имеет более жесткий характер. Какие-либо меры, властные действия, различные виды наказаний, применяемые в тех или иных отраслях права, - все это не более чем внешние, основанные на праве, формы проявления государственного принуждения. Отсюда вывод: отождествлять сам метод правового воздействия с теми правовыми формами, в которых он может реализовываться, нельзя. Это примерно то же самое, как приравнять уголовно-процессуальное доказывание к следственным действиям. Следственные действия - это лишь одна из правовых форм осуществления познавательной деятельности в уголовном процессе, но не сам познавательный процесс.

Сказанное позволяет рассматривать государственное принуждение, в целом и уголовно-процессуальное принуждение, в частности, не в контексте

каких-либо мер, а как метод правового воздействия, применяемый в условиях недостаточной эффективности метода убеждения. В частности, меры пресечения представляют собой реализацию государственного принуждения в уголовном судопроизводстве для обеспечения достижения его назначения.

Мнение о том, что государственное принуждение в уголовном процессе не ограничивается исключительно мерами пресечения, было высказано в науке достаточно давно - дискуссия по этому поводу имела место еще в 60-70-х гг. прошлого века. Однако единства по этому вопросу нет до сих пор.

До определенного момента в науке уголовного процесса преобладало мнение о том, что уголовно-процессуальное принуждение находит выражение только в этих мерах, а именно либо исключительно в мерах пресечения [48, с. 11], либо мерах пресечения и ряде иных процессуальных мер, к числу которых разные авторы относили, в том числе и следственные действия, сопряженные с применением принудительных средств в отношении их участников [58, с. 15].

Несколько противоречивую позицию в этой связи занимал в свое время З.З. Зинатуллин. Так, в одном из своих основных исследований - «Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность» - автор определял уголовно-процессуальное принуждение как «метод государственного воздействия, проявляющийся в правовых ограничениях..., вследствие применения... процессуальных правовых средств (мер) пресечения» [26, с. 11]. Как представляется, здесь автор недвусмысленно ограничивает круг мер уголовно-процессуального принуждения мерами пресечения. При этом, далее как в данной работе, так и в других своих трудах [25, с. 86], он отходит от этой позиции, признавая, что государственное принуждение в уголовном процессе может реализовываться посредством иных мер.

Если первый из представленных в науке подходов (уголовно-процессуальное принуждение - это только меры пресечения), учитывая развитие теории по вопросу о сущности уголовно-процессуального принуждения и самого уголовно-процессуального закона (появление

отдельного раздела, прямо перечисляющего меры уголовно-процессуального принуждения), в настоящее время имеет скорее историческое значение, то второй, в соответствии с которым государственное принуждение в уголовном судопроизводстве не исчерпывается мерами пресечения, широко распространен и в современной науке.

В.М. Корнуков рассматривал уголовно-процессуальное принуждение не только как совокупность конкретных мер процессуального принуждения, отмечая, что «до недавнего времени в процессуальной литературе... уголовно-процессуальное принуждение сводилось к так называемым мерам процессуального принуждения... Между тем уголовно-процессуальное принуждение по объему значительно шире и неоднородно. В одних случаях оно является следствием прямого нарушения или неисполнения уголовно-процессуальных норм и выступает в виде ответственности... в других - хотя и связано с ненадлежащим исполнением предписаний правовых норм, но выступает в виде мер защиты правопорядка и восстановления законности... в третьих - используется в качестве средства предупреждения определенных действий... и создания необходимых условий для отыскания и получения доказательств» [29, с. 19].

По сути, автор впервые на доктринальном уровне обосновал мнение, что уголовно-процессуальное принуждение может воплощаться не только в конкретных мерах, но и быть составляющей частью следственных действий, рассматриваться как средство охраны прав, свобод и законных интересов граждан, а также реализовываться в виде самостоятельного вида юридической ответственности - уголовно-процессуальной ответственности.

Еще дальше пошел Ф.М. Кудин, который прямо уголовно-процессуальное принуждение назвал неотъемлемой «чертой уголовно-процессуального метода» [30, с. 30]. Автор пишет: «Для уголовно-процессуального права характерным является и особый, обусловленный процессуальной природой структурный тип правоотношения, в рамках которого происходит осуществление прав и исполнение обязанностей, а,

следовательно, общественное отношение приобретает юридический характер. Достижение необходимого правового результата в уголовно-процессуальном опосредствовании общественных отношений требует и обеспечения их правовым принуждением. Способы такого обеспечения правовых норм, характеризуя одну из основных черт воздействия уголовно-процессуального права на общественные отношения, при всех условиях не могут находиться за пределами его метода» [30, с. 30].

Распространено такое понимание уголовно-процессуального принуждения и у современных авторов. Так, К.В. Задерако рассматривает его как «компонент метода уголовно-процессуальной деятельности» [24, с. 8].

С этим нельзя не согласиться. Более того, можно говорить о государственном принуждении не просто как о методе, а как об особенности того режима правового воздействия, которым характеризуется именно отрасль уголовно-процессуального права. Учитывая, что под отраслевым юридическим режимом правового регулирования в теории права принято понимать «особую, целостную систему регулятивного воздействия, которая характеризуется специфическими приемами регулирования особым порядком возникновения и формирования содержания прав и обязанностей, их осуществления, спецификой санкций, способов их реализации, а также действием единых принципов, общих положений, распространяющихся на данную совокупность норм» [2, с. 245], такое понимание уголовно-процессуального принуждения возводит его в число системообразующих факторов уголовного процесса.

Данное утверждение никак не противоречит общетеоретическим правовым положениям. В теории права уже достаточно давно получила распространение позиция, согласно которой специфика той или иной отрасли права кроется не в предмете регулирования данной отрасли, а в том, как он регулируется средствами данной отрасли права.

Такая позиция была высказана еще в конце 70-х гг. Р.О. Халфиной, которая говорила о единстве предмета правового регулирования

(общественных отношениях) права в целом, где отраслевая природа права определяется свойственной ей спецификой метода и свойственными данной отрасли права правовыми средствами.

Итак, можно рассматривать государственное принуждение, в целом и уголовно-процессуальное принуждение, в частности, не в контексте каких-либо мер, а как метод правового воздействия, применяемый в условиях недостаточной эффективности метода убеждения. Меры пресечения представляют собой реализацию государственного принуждения в уголовном судопроизводстве для обеспечения достижения его назначения.

Можно выделить следующие виды государственного принуждения:

- государственное принуждение - это целенаправленная деятельность, т. е. оно всегда имеет цель (при том, что само содержание цели государственного принуждения в той или иной трактовке различается);
- государственное принуждение всегда сопряжено с правоограничениями или лишениями для субъекта, в отношении которого оно применяется;
- государственное принуждение всегда применяется при наличии определенных оснований;
- государственное принуждение регламентируется правовыми нормами.

Неотъемлемыми качествами уголовно-процессуального принуждения выступают целенаправленность, нормативность, наличие особого субъектного состава, процедурность, обоснованность и правоограничительный характер.

1.2 Меры имущественного принуждения: понятие и виды

Перед анализом понятия мер имущественного принуждения, видится необходимым рассмотреть меры процессуального принуждения в целом, которым сейчас законодатель посвятил отдельный раздел IV УПК РФ. Он содержит 3 главы:

- гл. 12 – Задержание подозреваемого,
- гл. 13 – Меры пресечения,
- гл. 14 – Иные меры процессуального принуждения [51].

Таким образом, можно обнаружить, что в действующем уголовно – процессуальном законе закрепление системы мер процессуального принуждения совершенно иное, чем ранее. И здесь можно выделить ряд положительных аспектов, в частности, законодатель разрешил некоторые имевшие ранее место спорные вопросы, разделил меры процессуального принуждения и иные меры процессуального принуждения. Однако, говорить о разрешении всех проблем, связанных с регламентацией таких мер было бы неверным. Более того, многие исследователи считают такое выделение нецелесообразным и нелогичным, критикуя в целом избранный законодателем подход к систематизации.

Здесь видится целесообразным обратить внимание на тот факт, что институт иных мер процессуального принуждения, до того, как он приобрел свой современный вид, прошел достаточно длительный и сложный путь развития.

Анализ нормативных актов России XVII-XVIII вв. показал, что меры принуждения характеризовались довольно жесткими санкциями. Например, в соответствии со ст. 119 Соборного уложения 1649 г. за неисполнение предписания о явке лицо подвергалось приводу в суд и битью батогами. Позднее в Артикуле воинском 1715 г. предусматривались отсечение двух пальцев и каторга за лживую присягу; если лживая присяга причиняла

большой вред кому-либо, виновное лицо ждало самое суровое наказание, закрепленное в этом нормативном акте, – смертная казнь [21, с. 23].

Постепенно развиваясь, законодательство по данному вопросу пришло к сложившейся системе. Сейчас законодатель иные меры процессуального принуждения сосредоточил в отдельной главе УПК РФ, поэтому они имеют и некоторые отличия от других мер принуждения – могут применяться только при наличии четко определенных оснований, определенным кругом субъектов и к определенным участникам уголовного процесса, на определенный срок. Подробнее о сходствах и отличиях иных процессуальных мер принуждения с другими будет сказано далее. Все же, иные меры входят в число мер принуждения и являются их подвидом.

К числу рассматриваемых мер в данный момент относятся:

- обязательство о явке (статья 112 УПК РФ);
- привод (статья 113 УПК РФ);
- временное отстранение от должности (статья 114 УПК РФ);
- наложение ареста на имущество (статья 115 УПК РФ);
- денежное взыскание (статья 117 УПК РФ).

Однако, по мнению многих авторов, не все эти меры должны признаваться мерами процессуального принуждения, в частности, есть предложения об исключении из них денежного взыскания в силу специфики этой меры. Поэтому предлагается признавать ее мерой процессуальной ответственности, не относя к числу иных мер принуждения [16, с. 114].

Другие полагают, что данный исчерпывающий перечень не полон, он должен был бы включать в себя удаление из зала судебного заседания лиц, нарушивших порядок и не подчинившихся требованиям председательствующего или судебного пристава, так как эта мера имеет признаки процессуального принуждения: применить ее может суд; характер ее – принудительный. Некоторые предлагают рассматривать и в качестве меры процессуального принуждения и взыскание процессуальных издержек [34, с. 54].

Представляется, что для четкого понимания правовой природы и понятия иных мер процессуального принуждения следует рассматривать их в сравнении с мерами пресечения, правовая регламентация которых значительно более совершенная и полная.

Так, меры пресечения – это процессуальные средства ограничения свободы обвиняемого или подозреваемого, применяемые дознавателем, следователем, или судом для предотвращения возможных процессуальных нарушений со стороны лиц, в отношении которых избирается указанная мера, а также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица.

Фактически, в российском уголовном процессе меры пресечения предназначены для того, чтобы обеспечить надлежащее поведение лица и предупредить новые преступления [11, с. 189]. Или, как более точно замечает С.И. Вершинина, цель мер пресечения – предупредить наступление предполагаемых, вероятных негативных последствий для уголовного судопроизводства в будущем [19, с. 39]. Общая цель мер пресечения одна – обеспечить надлежащее поведение обвиняемого в уголовном судопроизводстве, остальные же цели следует рассматривать применительно к конкретным видам мер пресечения [19, с. 3].

Меры пресечения выстроены в определенной иерархии – от наиболее мягких к наиболее строгим, и более строгая может быть избрана лишь когда невозможно применить ту, которая накладывает наименьшие ограничения на виновное лицо.

Что же касается иных мер процессуального принуждения, их понятие недостаточно выработано, да и четко выстроенной системы в УПК РФ не имеется, законодатель ограничился лишь их перечнем. Поэтому в научной литературе предложены различные определения как мер процессуального принуждения в целом, так и конкретно иных мер процессуального принуждения.

Первые предлагается определять, как:

- решения и действия следователя, дознавателя, прокурора, суда, применяемые в отношении участников уголовно – процессуальных отношений для обеспечения процесса доказывания по уголовному делу, гражданскому иску, для осуществления уголовного преследования и справедливого разрешения дела [13, с. 61];
- применяемые при наличии оснований и в установленном законом порядке должностными лицами в сфере уголовного процесса в отношении участников уголовного судопроизводства процессуальные средства принудительного характера, в целях предупреждения и пресечения неправомерных действий и для успешного решения задач уголовного судопроизводства [52, с. 70].

Иные меры процессуального принуждения рассматривают как:

- «применяемые к участнику уголовно – процессуальных отношений норм УПК РФ, ограничивающих его в правах и свободах для обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства и реализации его основных начал» [27, с. 41];
- «специальные способы процессуального воздействия, отличающиеся от мер процессуального пресечения по форме, степени репрессивности, субъектам, объектам, характеру и объему охраняемых процессуальных отношений, направленные на охрану части или определенной группы правоотношений» [24, с. 33].

В целом, мы разделяем первую из предложенных, но само определение видится излишне запутанным по своей терминологии.

Определим, каким образом между собой разграничиваются меры пресечения и иные меры процессуального принуждения:

Исходя из понятия мер пресечения и рассмотренных иных мер процессуального принуждения, следует выделить отдельные признаки, их разграничивающие.

- меры пресечения по своему характеру несут гораздо более значительные и длительные ограничения прав тех лиц, в отношении

которых они применяются. Фактически, для того они и предназначены- чтобы ограничить определенное право, например, на передвижение. Назначение иных мер процессуального принуждения иное – обеспечение порядка судопроизводства и исполнения приговора.

- меры процессуального принуждения могут применяться к гораздо большему кругу лиц, чем меры пресечения. Последние могут быть применены только к подозреваемым и обвиняемым, а первые – и к иным участникам уголовного судопроизводства в зависимости от своего характера и цели;
- цели применения мер пресечения и иных мер процессуального принуждения различны, что обусловлено кругом субъектов применения. Так как меры процессуального принуждения могут применяться не только к подозреваемым и обвиняемым, они и не направлены на то, чтобы предотвратить совершение новых преступлений либо воспрепятствование исполнению приговора, их цель – обеспечить производство по уголовному делу;
- различен характер мер пресечения и мер процессуального принуждения, первые обладают больше принудительным характером, а вторые, скорее, обязательным, не смотря на их наименование. В применении данных мер принуждение – это лишь форма разъяснения обязанностей лицу, к которому они применяются.

В то же время, не все исследователи разделяют указанный подход к разграничению. Так, в частности, отмечается некорректность утверждения о том, что иные меры процессуального принуждения менее строгие, чем остальные меры принуждения, поскольку, к примеру, при применении привода может применяться физическая сила; временное отстранение от должности может существенно ухудшить материальное положение лица, к

которому применена данная мера; наложение ареста на имущество ограничивает право собственности.

Таким образом, анализ сходств и различий иных мер процессуального принуждения с другими видами мер принуждения, можно сделать вывод, что рассматриваемые меры влекут ограничение конституционных прав, в связи с чем, считать их менее строгими, чем иные виды процессуального принуждения, вряд ли обосновано [35, с. 58].

Но есть и общие признаки мер пресечения и иных мер процессуального принуждения – они не должны иметь характера наказания.

Анализируя понятие мер процессуального принуждения, нельзя обойти вниманием вопрос об их видах. Как видно из анализа соответствующего раздела, законодатель выделили три вида таких мер, поместив их в отдельные главы, однако, логика такого его решения не ясна, как и не понятен критерий, заложенный в основу такой классификации. В частности, к примеру, если выделение мер пресечения в отдельный вид мер процессуального принуждения – это дань традиции, то гораздо сложнее понять, почему именно задержание подозреваемого – отдельный вид мер принуждения, а не денежное взыскание, которому присущ отличительный от всех характер – характер ответственности.

Здесь следует обозначить и некорректность наименования гл. 14 УПК РФ и ее содержания. Так, законодатель использует термин «иные», таким образом, как бы отводя им второстепенное место. В то время как, на что уже было обращено внимание выше, некоторые иные меры процессуального принуждения более суровы, чем отдельные меры пресечения. Кроме того, непонятно, и что объединяет данные меры принуждения.

Попробуем выяснить, каким образом можно классифицировать иные меры процессуального принуждения, исходя из их законодательной регламентации.

Прежде всего, представляется возможным использовать как критерий тех лиц, к которым они могут быть применены:

- применяемые только к подозреваемому и обвиняемому: обязательство о явке, временное отстранение от должности;
- применяемые к разным участникам уголовного процесса: привод, денежное взыскание, наложение ареста на имущество.

В качестве еще одного критерия используют субъекта, применяющего меры процессуального принуждения, выделяя:

- применяемые по решению суда: временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, денежное взыскание;
- применяемые по решению лица, производящего расследование: обязательство о явке, привод [46, с. 49].

Еще один критерий – временной период применения, в соответствии с которым выделяют:

- длящиеся: обязательство о явке, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество;
- кратковременные: привод и денежное взыскание.

Предлагается использовать в качестве критерия и права, которые ограничиваются посредством тех или иных мер, выделяя:

- ограничивающие право на свободу и личную неприкосновенность: привод;
- право собственности: наложение ареста на имущество, денежное взыскание;
- иные права: временное отстранение от должности, обязательство о явке.

Представляется, что все приведенные классификации являются обоснованными. Однако, можно встретить и иные подходы. Так, к примеру, Е.Г. Васильевой в качестве критерия рассматривается «сущность принудительности» и выделяются меры:

- обязательного принуждения (когда оно неизбежно): задержание, меры пресечения, привод, меры ответственности;

- возможного принуждения (оно потенциально): отображение соответствующих подписок [15, с. 20].

Такая классификация вызывает справедливую критику, поскольку принуждение может и в первом случае не иметь места, и быть применено во втором. Получается, что потенциально все меры принуждения обладают принудительным характером (это следует и из их названия), когда же он реализуется, то уже имеет место не потенциальное, а реальное принуждение [32, с.156].

Таким образом, общие вопросы, связанные с существующими в уголовном судопроизводстве мерами процессуального принуждения разных видов, рассмотрены, что позволяет осознать различия, в частности, в характере мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, которые могут обладать и имущественным характером. Теперь перейдем к анализу непосредственно мер имущественного принуждения. Данная категория включает в себя как меру пресечения (залог), так и иные меры процессуального принуждения (наложение ареста на имущество и денежное взыскание). В данную группу меры принуждения объединяет один общий признак – обеспечением путем их применения надлежащего поведения обвиняемого базируется на ограничении имущественных прав лица.

Характеризуя меры имущественного принуждения, можно отметить, что они:

- могут воздействовать не только на имущество подозреваемого, обвиняемого, но и на имущество третьих лиц (залог, наложение ареста на имущество);
- целью данных мер может выступать предупреждение несоблюдения участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей (залог, наложение ареста на имущество), а также ответственность за нарушение таких обязанностей (денежное взыскание).

Поскольку такая имущественная мера процессуального принуждения, как залог, будет подробно анализироваться в дальнейшем, здесь уделим большее внимание иным мерам имущественного характера.

Наложение ареста на имущество, фактически, предназначено для обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий. Как правило, следователями данная мера процессуального принуждения применяется в тех случаях, когда ущерб по уголовному делу не возмещен и имеется гражданский иск.

Так, например, по уголовному делу по факту умышленного поджога дома Р., было установлено, что С., который и совершил данное преступление, оставил в доме Р. дорогостоящие наручные часы, которые были изъяты в ходе осмотра места происшествия в целях подтверждения причастности С. к совершению данного преступления и нахождения его в доме. Позднее судом по ходатайству следователя был наложен арест на данные часы [42].

Данная мера процессуального принуждения может быть применена исключительно на основе судебного решения, вынесенного по ходатайству лица, расследующего уголовное дело.

Суд, вынося решение о применении данной меры, должен четко указать, степень ограничений, срок их установления. Данное решение должно исполняться четко, без всяких отступлений, то есть, невозможно увеличить либо уменьшить объем ограничений, который установил суд.

Законодательно не так давно были внесены некоторые изменения в регламентацию такой иной меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество, однако, все проблемы в данной сфере разрешить не удалось. В частности, регламентация представляется недостаточно детализированной, нет урегулирования подготовительной стадии к наложению ареста на имущество.

Так, проблемным является вопрос о том, следует ли в постановлении о возбуждении ходатайства о применении данной меры процессуального принуждения указывать конкретное имущество, которое предполагается

арестовать. Зачастую следователь, дознаватель, вынося такое постановление, имеет лишь предположения о том, где может находиться имущество, подлежащее аресту, при этом, не знает его точный перечень. Практика в стране идет разным путем. Так, в ряде случаев судьи отказывает в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество подозреваемого по причине отсутствия конкретного перечня имущества, на которое налагается арест. Данный подход наиболее распространен в судебной практике, однако, иногда судьи принимают решение об удовлетворении ходатайств дознавателей и следователей о наложении ареста на имущества без приведения четкого перечня, лишь с указанием общей примерной суммы (которая соответствует ущербу, указанному в иске). Представляется, что такой подход не допустим, ходатайства о наложении ареста на имущество должны содержать четкий перечень, на что будет налагаться арест, для этого требуется производить подготовительные действия: производить следственные действия, в ходе которых может быть обнаружено имущество, подлежащее аресту (обыски, осмотры жилищ, помещений и т.д.); направлять запросы с различные организации.

В УПК РФ четкого указания на то, на какое имущество возможно наложить арест, точнее, на то, какова должна быть его стоимость, должна ли она соотноситься с причиненным вредом и каким образом, не имеется. Однако, поскольку данный вопрос достаточно актуален, он не мог остаться без внимания и со стороны исследователей, и со стороны судебных инстанций. В результате, в 2011 году, разъяснение данного вопроса было дано Конституционным Судом РФ, указавшим, что, налагая арест на имущество, правоприменитель обязан обеспечить «разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью с тем, чтобы соблюдался баланс конституционно защищаемых ценностей, и лицо не подвергалось чрезмерному обременению» [39].

Данное разъяснение, безусловно, было необходимым, и является справедливым, ведь действительно, вряд ли будет справедливым налагать

арест на дорогостоящее имущество подозреваемого, обвиняемого, в том случае, когда вследствие его преступных действий ущерб причинен в гораздо меньшем размере. Когда разница в причиненном ущербе и имуществе, налагается арест, существенна (например, ущерб причинен на сумму 300 тыс., а имущество, на которое планируется наложить арест, стоит 3 млн. рублей), очевидна явная несправедливость такого подхода, и наложить в данном случае арест на указанное имущество будет невозможно. Когда же разница не столь очевидна (например, ущерб причинен на сумму 2 млн. 500 тыс. рублей, а арест планируется наложить на имущество стоимостью 3 млн. рублей, то здесь ситуация уже не настолько очевидна и возникает вопрос, возможно ли в таком случае наложить арест на указанное имущество подозреваемого, обвиняемого, не нарушит ли это его права.

Примером соразмерности наложения ареста причиненному ущербу может являться уголовное дело по факту умышленного повреждения имущества путем поджога, совершенного Ш., ущерб составил 300000 рублей. Следователем было наложен арест на автомобиль подозреваемого стоимостью 230000 рублей [43]. Иным примером может являться уголовное дело по факту хищения автомобиля, в результате чего А. причинен ущерб на сумму 350000 рублей. Следователь обратился в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество А. – квартиру, стоимостью 1440000 рублей, суд отказал в данном ходатайстве в силу того, что стоимость имущества, на которое налагается арест, не соответствует размеру причиненного ущерба [41].

Таким образом, проблемы определения стоимости имущества, на которое может быть наложен арест, являются насущными, в связи с чем, видится необходимым дополнить ст. 115 УПК РФ ч. 1.1., в которой четко прописать основания наложения ареста на имущество, порядок оценки данного имущества и его хранения следующим образом «1.1. Стоимость имущества, подлежащего аресту, определяется специалистом. Хранение арестованного имущества осуществляется в порядке ч. 6 настоящей статьи с учетом особенностей, предусмотренных ст. 82 настоящего Кодекса».

Здесь следует обратить внимание на одну важную деталь. Поскольку следователь самостоятельно направляет ход расследование, то и решение о том, стоит ли ходатайствовать перед судом о наложении ареста на имущество, он принимает сам. В том же случае, когда гражданский иск заявлен, а следователь мер по его обеспечению не принял, возмещение потерпевшему вреда не состоится. При этом, сейчас у потерпевшего имеется лишь возможность ходатайствовать перед следователем о наложении ареста на имущество, а если в удовлетворении данного ходатайства отказано, никакой иной инициативы потерпевший проявить не может. Представляется, что было бы целесообразным предоставить возможность потерпевшему самостоятельно инициировать в суде наложение ареста на имущество. Но, при этом, следует предусмотреть, что и обосновывать необходимость данной меры процессуального принуждения потерпевший должен самостоятельно. Поэтому представляется, что следует дополнить в целях соблюдения интересов прав потерпевших п. 1.2. ст. 115 УПК РФ. В случае отказа следователем, дознавателем в ходатайстве об обращении в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, потерпевший, гражданский истец и их представители имеют право самостоятельно обратиться в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество, предоставив материалы, обосновывающие данное ходатайство.

Обеспечение надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства осуществляется посредством применения такой иной меры процессуального принуждения, как денежное взыскание.

Законодательно установлено, что она может применяться в случае неисполнения участниками уголовного процесса своих обязанностей. Сюда может быть отнесена и неявка по вызовам следователя, поскольку лицо, производящее расследование по уголовному делу, свободно в выборе иной меры процессуального принуждения, подлежащей применению, при соблюдении предусмотренных законом условий и оснований. В таком случае

следователь должен обратиться в суд, который и принимает решение о применении данной меры.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что следователи практически не применяют данную меру процессуального характера, обычно она применяется судом в отношении тех участников уголовного судопроизводства, которые не явились по вызову суда. В то же время, в некоторых регионах имеются примеры применения данной иной меры процессуального принуждения. Так, руководитель 1-го отдела по расследованию особо важных дел СУ СК России по Псковской области Н. составил протокол в отношении свидетеля И. по факту неявки по вызову следователя без уважительных причин, на основании которого Псковский городской суд 26 апреля 2018 года наложил на него денежное взыскание в сумме 1500 рублей. И. обжаловала данное решение в судебном порядке, указав, что оно является незаконным и необоснованным. В удовлетворении данной жалобы было отказано, поскольку И. вызывалась для производства допроса свидетеля повесткой, врученной ей лично. По вызову И. не явилась, о невозможности явки по уважительной причине не сообщила. Протокол составлен надлежащим лицом с соблюдением требований закона [6].

Такая мера уголовно – процессуального принуждения, как денежное взыскание, может быть применена к ограниченному кругу лиц- потерпевшему, свидетелю, эксперту, вызванным в суд [44]. Однако, представляется, что было бы целесообразно предусмотреть законодательно возможность ее применения к любому участнику уголовного процесса. Исполнение этой меры регламентировано лишь ч. 5 ст. 118 УПК РФ, согласно которой суд может отсрочить или рассрочить исполнение постановления о наложении денежного взыскания на срок до 3 месяцев, что свидетельствует о явно недостаточной регламентации механизма исполнения данной меры принуждения [31, с. 77].

Видится целесообразным предусмотреть обязанность лица, подвергнутого данной мере процессуального принуждения, уведомлять орган,

производящий расследование, об уплате денежного взыскания с предоставлением подтверждающих документов, что позволит обеспечить двойной контроль за исполнением решения.

Кроме того, с нашей точки зрения, недостатком является отсутствие какой-либо ответственности за неисполнение данной меры принуждения. Представляется, что здесь целесообразно использовать меры, направленные на удержание денежных средств из дохода лица, уклоняющегося от исполнения меры принуждения, предусмотренной ст. 117 УПК РФ, либо обращение взыскания на его имущество. Также полностью разделяем позицию С.И. Вершининой о том, что следовало бы предусмотреть такую меру имущественного принуждения, как имущественное поручительство, поскольку она более доступна для широких слоев граждан в силу ее основного отличия от залога, заключающегося в том, что значительная денежная сумма не изымается из оборота на длительный период времени, имущественное обеспечение государству передается только в том случае, когда нарушена мера пресечения. При этом, осознание обвиняемым факта изъятия имущества при нарушении им меры пресечения может выступать достаточно эффективным сдерживающим фактором [19, с. 39].

Итак, меры имущественного принуждения в российском уголовном процессе представлены мерой пресечения (залогом) и иными мерами процессуального принуждения (наложение ареста на имущество, денежное взыскание).

Представляется, что процессуальная регламентация мер процессуального принуждения не совершенна, в связи с чем, видится возможным предложить следующие изменения:

выделить меры пресечения в качестве самостоятельного средства процессуального принуждения, не рассматривая их как меры процессуального принуждения как в настоящее время, когда законодатель и их, и иные меры процессуального принуждения признает мерами процессуального

принуждения, о чем свидетельствует наименование раздела, в котором они содержатся;

исключить выделение иных мер процессуального принуждения, и предусмотреть лишь меры процессуального принуждения, к числу которых отнести: те, которые в настоящее время признаются иными мерами процессуального принуждения; задержание подозреваемого; удаление из судебного заседания; взыскание процессуальных издержек.

Меры имущественного принуждения объединяет один общий признак – обеспечением путем их применения надлежащего поведения обвиняемого базируется на ограничении имущественных прав лица. Данные меры:

- могут воздействовать не только на имущество подозреваемого, обвиняемого, но и на имущество третьих лиц (залог, наложение ареста на имущество);
- целью данных мер может выступать предупреждение несоблюдения участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей (залог, наложение ареста на имущество), а также ответственность за нарушение таких обязанностей (денежное взыскание).

По итогам анализа иных мер процессуального принуждения имущественного характера и выявленным недостаткам видится возможным внести ряд предложений по изменению действующего законодательства:

Во-первых, в целях совершенствования исполнения меры принуждения в виде наложения ареста на имущество видится целесообразным:

- дополнить ст. 115 УПК РФ ч. 1.1., в которой четко прописать основания наложения ареста на имущество, порядок оценки данного имущества и его хранения следующим образом «1.1. Стоимость имущества, подлежащего аресту, определяется специалистом. Хранение арестованного имущества осуществляется в порядке ч. 6 настоящей статьи с учетом особенностей, предусмотренных ст. 82 настоящего Кодекса», где четко прописано, какие предметы где хранятся;

- дополнить в целях соблюдения интересов прав потерпевших ст. 115 УПК РФ п. 1.2.: В случае отказа следователем, дознавателем в ходатайстве об обращении в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, потерпевший, гражданский истец и их представители имеют право самостоятельно обратиться в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество, предоставив материалы, обосновывающие данное ходатайство.

Во-вторых, в целях совершенствования исполнения меры принуждения в виде денежного взыскания видится целесообразным:

- законодательно предусмотреть возможность применения данной меры процессуального принуждения к любому участнику уголовного процесса, включая и подозреваемого, обвиняемого;
- законодательно предусмотреть обязанность лица, подвергнутого данной мере процессуального принуждения, уведомлять орган, производящий расследование, об уплате денежного взыскания с предоставлением подтверждающих документов в целях повышения контроля за исполнением данной меры принуждения;
- законодательно предусмотреть ответственность за неисполнение данной меры процессуального принуждения.

Резюмируя рассмотренное в данной главе, можно сделать следующие выводы:

Уголовно-процессуальное принуждение, проявляясь в мерах процессуального принуждения, обладает такими качествами, как целенаправленность, нормативность, наличие особого субъектного состава, процедурность, обоснованность, и имеет правоограничительный характер. Необходимость уголовно-процессуального принуждения обусловлена необходимостью обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства.

Меры имущественного принуждения в российском уголовном процессе представлены мерой пресечения (залогом) и иными мерами процессуального

принуждения (наложение ареста на имущество, денежное взыскание). Недостаточная эффективность применения данных мер обусловлена недостатками их правового регулирования, вследствие чего, необходимо внесение ряда изменений в уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие основания и порядок их применения.

Меры имущественного принуждения объединяет один общий признак – они обеспечивают надлежащее поведение обвиняемого путем их применения которое основано на ограничении имущественных прав лица. Данные меры могут воздействовать не только на имущество подозреваемого, обвиняемого, но и на имущество третьих лиц (залог, наложение ареста на имущество). Целью данных мер может выступать предупреждение несоблюдения участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей (залог, наложение ареста на имущество), а также ответственность за нарушение таких обязанностей (денежное взыскание).

Глава 2 Залог как мера процессуального принуждения

2.1 Понятие залога и его место в системе мер пресечения

Залог- это единственная применяемая в России имущественная мера пресечения. Учеными предлагаются свои понятия «уголовно-процессуального залога», которые, по их мнению, наиболее точно отражают признаки данного института.

Отдельными авторами по результатам их исследований предлагается новая редакция статьи УПК РФ, в которой должно иметься следующее определение залога «Залог состоит в деньгах...» [57, с. 95].

В редакции УПК РФ от 2001 г., в ст. 106 было отражено следующее понятие «Залог состоит во внесении подозреваемым или обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на депозитный счет органа, избравшего данную меру пресечения, денег, ценных бумаг или ценностей в целях обеспечения явки к следователю, дознавателю или в суд подозреваемого, обвиняемого и предупреждения совершения им новых преступлений».

Федеральным законом от 04.06.2014 г. № 141 - ФЗ «О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были внесены существенные изменения в УПК РФ. Вместо пяти частей, на сегодняшний день, статья насчитывает десять частей, содержание которых существенно изменилось и дополнилось положениями, необходимыми для более полного и удобного применения их на практике [53].

В ст. 106 действующего УПК РФ указано: «Залог состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства - в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской

Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу».

Расширен перечень объектов, выступающих залогом: это могут быть деньги, ценные бумаги или ценности, движимое и недвижимое имущество. Такое решение законодателя обуславливает большую оперативность и доступность залога.

Законодатель урегулировал множество вопросов, которые ранее не были отражены в нормах УПК РФ и вызывали множество споров. Например, С.В. Богданчиков предлагал следующее определение «Залог - это самостоятельный уголовно-процессуальный институт, мера уголовно-процессуального пресечения, имеющая двойственную природу воздействия (имущественно-психологическую) на обвиняемого (в исключительных случаях - подозреваемого), состоящая во внесении определенной суммы имущественных гарантий на депозитный счет органа, избравшего залог, избираемая по постановлению органов расследования, с санкции прокурора, по постановлению прокурора либо по определению суда, в целях обеспечения невозможности скрыться от дознания, предварительного следствия, суда, отлучаться без соответствующего разрешения с места жительства или временного нахождения, для пресечения неправомерного противодействия со стороны обвиняемого установлению по делу истины, его надлежащего поведения, исключающего совершение новых преступлений, своевременную явку по вызовам органов расследования, прокурора, суда, а также исполнение приговора»[14, с. 53]. В целом, с данной позицией возможно согласиться.

В настоящий момент разрешены проблемы, связанные с органом, принимающим залог, обеспечивающим его сохранность, моментом внесения залога [1, с. 49].

Таким образом, как положительную тенденцию, следует отметить достаточно детальную урегулированность процедуры залога, определенность

его объектов и минимального размера. Такое совершенствование анализируемой меры пресечения способствует расширению случаев ее использования в связи с легкостью понимания предусмотренных к ней требований. Однако, говорить о том, что разрешены все проблемы в рассматриваемой сфере, было бы неверно.

Определив понятие залога как меры пресечения и разновидности мер имущественного принуждения, можно сделать следующие выводы:

- после многочисленных законодательных изменений, понятие залога все-таки приобрело свое более полное и развернутое определение. На современном этапе данная мера пресечения стала более доступной для применения в силу детализации регулирования залога, поскольку законодатель предусматривает возможность применять данную меру пресечения в совокупности с определенными запретами, содержащимися в ст. 105.1 УПК РФ;
- залог- это комплексный уголовно-процессуальный и гражданско-правовой институт, что отражается на правовой природе данной меры пресечения.

2.2 Цели, основания и условия применения залога

Вопрос о правовой природе залога является в уголовно-процессуальной науке дискуссионным. Полагаем, что ответ на данный вопрос необходимо давать путем анализа целей рассматриваемого института. При определении целей залога в науке выделяют разные мнения. В первую очередь, он обеспечивает надлежащее поведение обвиняемого, его не препятствование установлению истины, не совершение преступных действий, не уклонение от органов расследования и суда.

Н.А. Колоколов полагал, что цель залога - предупреждать все виды ненадлежащего поведения обвиняемого [28, с. 19].

В.Д. Неутов полагал, что «залог может быть использован для возмещения вреда потерпевшему от преступления после осуждения того, кто внес залог или за кого он был внесен. Так государство сможет обеспечить интересы потерпевших»[28, с. 47]. Данное мнение представляется неверным. В соответствии со ст. 106 УПК РФ залог может вноситься как обвиняемым, так и другими физическими или юридическими лицами, и если залогом будет возмещаться гражданский иск, то будет утрачена его функция обеспечения явки и надлежащего поведения обвиняемого в уголовном процессе, а институт залога будет являться мерой имущественного обеспечения возмещения ущерба. Кроме того, в данном случае будет утеряна цель морально-психологического воздействия данной меры пресечения. У обвиняемого в таком случае будет отсутствовать стимул надлежащего поведения, поскольку в любом случае денежные средства возвращены ему не будут.

По мнению В.И. Руднева, «цель залога — обеспечение явки подозреваемого, обвиняемого — отодвигается на второй план, а на первый выступает получение как можно большей суммы денег у подозреваемого или обвиняемого» [45, с. 43].

А.В. Величко предлагал дифференцировать цели залога на общие и специальные [18, с. 102]. На наш взгляд, мнение А.В. Величко представляется верным, разделение целей залога на общие и специальные целесообразно, поскольку оно определяет цели мер пресечения в целом и позволяет выделить особенности залога путем определения специальных целей.

Необходимо обратить внимание на дискуссию, ведущуюся в уголовно-процессуальной науке, по поводу возможности использования залога для возмещения вреда. Так, некоторые авторы полагают, что залоговая сумма может быть направлена на возмещение вреда потерпевшему от преступления после вынесения обвинительного приговора в отношении того, кто внес или за кого был внесен залог.

С данным мнением сложно согласиться. Использование залога таким образом нарушает сущность данной меры пресечения, смысл обеспечения надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого теряется.

К сказанному может быть добавлено лишь то, что залоговая сумма должна использоваться исключительно в качестве гарантии надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого).

Поэтому мы в полной мере разделяем мнение С.И. Вершининой о том, что, несмотря на определение сущности залога как меры пресечения его гражданско-правовой природой, он в рамках уголовного судопроизводства преобразовался в самостоятельный уголовно-процессуальный институт. В связи с чем, нельзя отождествлять и эти два вида залога, но и нельзя отрицать значение «гражданско-правового залога в возникновении и развитии аналогичного института в уголовном процессе» [19, с. 25].

Таким образом, полагаем, что залог как мера пресечения - это комплексный уголовно-процессуальный и гражданско-правовой институт, что отражается на правовой природе данной меры пресечения.

В последнее десятилетие уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации подвержено существенным изменениям. Представляется необходимым обратить внимание на меру пресечения в виде залога как экономически целесообразную, рациональную и достаточно жесткую. Для этого проведем анализ действующего процессуального порядка применения меры пресечения в виде залога, рассмотрим основания избрания данной меры пресечения, процессуальную форму применения залога, выявим, какие именно органы уполномочены применять залог и другие процессуальные моменты.

Ведя речь об основаниях применения залога, необходимо выделить основания как для всех мер пресечения в целом, так и залога в частности.

На основании ч. 1 ст. 97 УПК РФ, в рамках предоставленных полномочий, лицо, производящее расследование, а также суд могут избрать обвиняемому, подозреваемому одну из предусмотренных УПК РФ мер

пресечения, если имеются достаточные основания полагать, что обвиняемый, подозреваемый: скроется от дознания, предварительного следствия или суда может продолжать заниматься преступной деятельностью может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Но необходимо отметить, что для избрания меры пресечения требуется совокупность общих и особенных оснований избрания конкретной меры пресечения, в том числе и залога.

По поводу того, что именно является основанием избрания залога, в научной литературе однозначное мнение отсутствует. Так, А.С. Фокин считает, что основания применения залога зависят от «1) тяжести совершенных преступлений; 2) строгости возможного наказания; 3) основанного на достаточно реальных предпосылках положения о том, что применение залога гарантирует надлежащее поведение обвиняемого него не уклонение от явки к следователю, дознавателю, в суд» [54, с. 107].

Однако, на наш взгляд, предложенные А.С. Фокиным основания следует дополнить. Для того, чтобы применить залог как меру пресечения, требуется согласие того органа, который применяет залог, залогодателя и лица, в отношении которого избирается данная мера пресечения, поскольку специфика залога не дает возможность использовать его в одностороннем порядке. Избирая залог, необходимо учитывать общие основания, применимые ко всей системе мер пресечения, а также специальные, относящиеся непосредственно к залогу.

На основании ст. 106, 108 УПК РФ залог избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по судебному решению. Пленум ВС РФ в п. 27 Постановления от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» суд может избрать данную меру пресечения по ходатайству следователя, защитника или по своей инициативе [40].

Правом заявления ходатайства об избрании такой меры пресечения, как залог, в настоящее время обладают подозреваемый, обвиняемый или другое физическое или юридическое лицо. Важным новшеством является предоставленная подозреваемому (обвиняемому) возможность ходатайствовать о применении к нему залога, как одновременно с ходатайством следователя об избрании иной меры пресечения, так и без такового (ч. 2 ст. 106 УПК РФ). Эффективность такой позиции достаточно сомнительна по следующим причинам:

- при инициативе обвиняемого об избрании залога, доказать основания его избрания должна сторона защиты, что противоречит презумпции невиновности, поскольку, фактически, даже при отрицании обвиняемым своей вины сторона защиты должна обосновывать необходимость избрания меры пресечения;
- лицу, задержанному в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, сложно обосновать необходимость применения залога;
- суд сталкивается с определенными сложностями, поскольку обязан указать в постановлении конкретные фактические обстоятельства, на основании которых принято решение. Таковыми не могут являться доказательства, не проверенные судом, соответственно, не ясно, как должен поступать суд, когда представленные стороной защиты данные доказательства по делу не подтверждаются проведением следственных и иных действий, поскольку, в силу УПК РФ, доказательствам со стороны защиты придается статус ориентирующей информации [1, с. 54].

Данные упущения говорят о том, что при применении указанного нововведения возникает достаточное количество проблем. На наш взгляд, достаточно было действующего порядка избрания меры пресечения, предоставляющего возможность явившимся в суд лицам высказать свою позицию и предъявить необходимые документы (ч. 6 ст. 108 УПК РФ).

В том случае, когда судом выносится постановление об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога, суд обязан привести соответствующие доводы. При этом, высшей судебной инстанцией разъяснено, что если залог не внесён в течение 48 часов со времени задержания подозреваемого, судьей данных срок продлевается до 72 часов, а если залог не внесен и в этот срок, то рассматривается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 27) [40]. Постановление судьи подлежит немедленному исполнению.

В 2013 году Федеральным законом от № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» к списку лиц, которым должно направляться постановление судьи, был добавлен и потерпевший. Таким образом законодатель реализовал принцип состязательности.

Далее разъясняется право на обжалование и последствия неисполнения рассматриваемой меры пресечения, после чего составляется протокол о принятии залога, его копия вручается залогодателю. Предмет залога вносится на депозитный счёт, а в случае нарушения обязательства, залог обращается в доход государства, в иных случаях он возвращается залогодателю при постановлении приговора, вынесении определения или постановления о прекращении уголовного дела.

Залогодателем может являться любое лицо, желающее и способное внести залог. Однако, мнения в уголовно- процессуальной науке по данному поводу нельзя назвать единообразными.

Так, А.Е. Григорьева полагает, что «из круга залогодателей должны быть исключены полностью или частично недееспособные лица, а также те, которые находятся под следствием или отбывают наказание в местах лишения свободы либо участвуют в расследовании и судебном рассмотрении дела со стороны защиты или обвинения в силу своих должностных обязанностей» [22, с. 22].

С точки зрения Т.И. Шаповаловой, «физические лица с ограниченной дееспособностью залогодателями могут являться только согласия на это их попечителей» [57, с. 22].

С.В. Богданчиков утверждал, что «залогодателем могут быть только лица, правомочные совершать юридические сделки и распоряжаться имуществом, вносимым в качестве залога» [14, с. 63]. Представленные мнения кажутся справедливыми. В связи с этим представляется целесообразным законодательно установить критерии, которые позволят физическому лицу выступать в качестве залогодателя, как минимум, наличие возможности у данного лица совершать имущественные сделки.

Далее представляется целесообразным рассмотреть вопросы выступления в качестве залогодателя юридического лица. Закон перечень юридических лиц, которые могут являться залогодателями, не содержит. По данному поводу в теории уголовно- процессуального права имеются различные мнения.

По мнению автора настоящей работы, внимания заслуживает позиция С.В. Богданчикова, о том, что «залогодателем в уголовном процессе может быть любое юридическое лицо -зарегистрированная в установленном законом порядке организация, имеющая в собственности обособленное имущество, обладающая собственными средствами, не являющимися бюджетными, и способная отвечать по обязательствам этим имуществом и средствами, а также приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [14, с. 85].

Из формулировки ст. 106 УПК РФ можно сделать вывод, что залогодатель может быть только один- или физическое или юридическое лицо. В то же время, в научной литературе озвучено иное мнение, согласно которому одновременно выступать в качестве залогодателя могут несколько лиц.

Так, А.С. Фокин полагал, что «залогодателей может быть несколько, но только при соблюдении того условия, что потеря вносимой им суммы будет являться для него значительной. По его мнению, ограничение в числе

залогодателей приведет к снижению количества случаев применения рассматриваемой меры» [54, с. 87].

Представленную позицию поддерживал Колоколов Н.А. Он предлагал внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство и закрепить возможность участия нескольких лиц в качестве залогодателей [28, с. 19].

Представляется, что данная позиция заслуживает внимания и вполне может быть учтена законодателем при совершенствовании правового регулирования залога как меры пресечения.

Необходимо рассмотреть также сроки, на который может применяться залог, и процедуру обжалования решений, применяемых в данной сфере. Отдельной регламентации сроков залога в УПК РФ не содержится, поскольку законодатель включил его в число мер пресечения. Соответственно, и регламентация сроков здесь общая, характерная для всех мер пресечения.

Если залог применяется к подозреваемому, то действие его возможно лишь 10 суток, которые даются законодателем на предъявление лицу обвинения. Если оно предъявлено в указанный срок, залог продолжает действовать весь тот срок, на который он избран, если же введение в статус обвиняемого за данный период времени не состоялось, то залог отменяется. Имеются и исключения, сосредоточенные в ч. 2 ст. 100 УПК РФ, когда возможно действие залога в отношении лица, находящегося в статусе подозреваемого, 30 суток.

Как и любое процессуальное решение, решение о залоге также может обжаловаться. Однако, представляется, что следовало бы несколько более четко регламентировать данную процедуру, наделив правом обжалования решения о применении залога всеми теми лицами, интересы и права которых это решение затрагивает.

Итак, можно говорить о том, что сейчас процедура залога урегулирована достаточно полно, что некоторые проблемы в сфере его применения позволило разрешить, такой подход законодателя может рассматриваться в качестве положительной тенденции. Но говорить о решении всех проблем в

данной сфере еще рано. И особенно сложно разрешить вопрос о том, каким же образом с подвигнуть правоприменителей на то, чтобы применять залог более активно, сокращая таким образом число случаев заключения под стражу обвиняемых и подозреваемых.

Из сказанного вытекает вопрос о необходимости повышения уровня правосознания в отношении законодательства, регулирующего применение залога, как у представителей правоохранительной системы, так и общества Российской Федерации. Достижение данного высокого уровня правосознания невозможно без демократизации и гуманизации всего института мер пресечения. При избрании той или иной меры пресечения правоохранительные органы и суд должны руководствоваться приоритетными целями и ценностями, защитой и гарантией прав личности.

Подводя итог анализу целей, оснований и условий применения залога, видится возможным сделать следующие выводы:

- вопрос о правовой природе залога является дискуссионным. Видится необходимым проведение детального исследования и установления правовой природы института залога, что позволит существенно дополнить детализацию данного института;
- залоговую сумму надлежит использовать исключительно как гарантию надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого) и возвращаться залогодателю. Только таким образом можно достигнуть цели данной меры пресечения;
- в процессуальной литературе нет однозначного мнения по поводу закрепления основания для избрания меры пресечения в виде залога. Совокупность рассмотренных мнений ученых позволяет сказать о том, что при избрании залога в качестве меры пресечения должны быть учтены как общие основания, применимые ко всей системе мер пресечения, так и специальные, относящиеся непосредственно к залого;

- порядок и алгоритм действия органов, уполномоченных применять залог, законодательно закреплён и разъяснен. Процедура принятия залога стала понятна после принятия Постановления Правительства РФ от 13 июля 2011 г. № 569 «Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности». Однако вопрос о критериях, соответствовать которым необходимо физическому или юридическому лицу для того, чтобы выступать залогодателем, прояснён не точно;
- формы процессуального порядка избрания залога в качестве меры пресечения не имеют дифференциации в законе. Несмотря на то, что многие процессуалисты полагают необходимым законодательно закрепить обособленные формы залога, представляется, что выделение их в законе усложнит процедуру применения данной меры пресечения, что скажется на эффективности;
- в законе также закреплены порядок обжалования процессуальных решений о залоге и процедура обращения залога в доход государства. Однако процедура возвращения залога залогодателю требует более четкой регламентации;
- урегулированным должен быть вопрос, вызванный противоречиями в связи с предоставлением права лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, самому заявлять ходатайство о применении к нему залога перед судом. С одной стороны, благодаря данному новшеству, добавился элемент состязательности, с другой - возникло противоречие досудебного производства, где инициатива применения мер процессуального принуждения принадлежит государственным органам;
- следует также чётко ограничить законом случаи избрания залога для преумножения практики его применения и тем самым создать альтернативу заключению под стражу.

2.3 Предмет и размер залога

Одной из важных проблем является определение предмета залога. Ст. 106 в качестве предмета залога называет недвижимое и движимое имущество, деньги, ценности, допущенные к публичному обращению акции и облигации. Некой неопределенностью обладает термин «ценности» в таком контексте, поскольку не определяется ни одной отраслью права [50, с. 192].

На основании ч. 2 ст. 130 ГК РФ движимым имуществом признаются вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги. Именно деньги представляется необходимым рассматривать как основную форму уголовно-процессуального залога.

Ценные бумаги как предмет залога в уголовном процессе выступают редко, из опрошенных начальников следственных подразделений в 32 субъектах страны лишь 11 % избирали залог, где его предметом выступили ценные бумаги [14, с. 128].

С признанием предметом залога движимого имущества круг потенциальных залогодателей расширился, однако, все же более распространено принятие залога в денежной форме.

Возможность признания предметом залога недвижимого имущества при этом породила и определенные вопросы. Так, в частности, возникает проблема определения недвижимого имущества. Если движимое имущество УПК РФ определяет как деньги, ценности, акции и облигации, то логично в качестве недвижимого назвать квартиры, нежилые помещения и т.д. Поскольку в данный момент предмет залога определен недостаточно четко, возникают определенные проблемы при использовании того или иного имущества в данном качестве. В связи с этим полагаем возможным на данный момент разъяснить, что законодатель должен руководствоваться положениями гражданского законодательства.

Несколько неопределенной видится позиция законодателя по поводу предмета залога. Так, в ст. 106 УПК РФ указано следующее: «Вид и размер залога определяются судом с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого либо обвиняемого и имущественного положения залогодателя. При этом по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее пятидесяти тысяч рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях - менее пятисот тысяч рублей. Не может приниматься в качестве залога имущество, на которое в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации не может быть обращено взыскание».

Таким образом, законодательно лишь четко определен минимальный порог залоговой стоимости, в то время как по поводу максимальной он ничего не говорит, что, как представляется, может создавать определенные предпосылки для субъективных решений судов, отказа в удовлетворении ходатайства о залоге ввиду недостаточности залоговой суммы.

По мнению некоторых исследователей, такая позиция, в соответствии с которой определен лишь нижний предел залога, имеет положительное значение, поскольку правоприменитель свободен в выборе размера залога в каждом случае, в зависимости от конкретных обстоятельств преступления и личности подозреваемого (обвиняемого) [17, с. 21]. С нашей же точки зрения, такая ситуация может влечь излишне завышенные размеры залога, в силу чего, мы считаем целесообразным законодательно закрепить верхний порог залога в целях исключения субъективного подхода к определению его размера.

Проведя анализ использования в качестве залога различных видов имущества, стоит сделать некоторые выводы:

- движимое имущество как предмет залога не вызывает каких – либо существенных проблем в правоприменительной практике. Несмотря на то, что наиболее часто залоговым имуществом выступают денежные средства, все же ограничивать предмет залога только деньгами было бы совершенно неверно, в связи с чем, законодатель

поступил верно, не введя подобного ограничения. В качестве предмета залога могут выступать и ценные бумаги, однако, вопрос их использования в качестве таковых, до настоящего времени является актуальным и требует дальнейших исследований;

- использование недвижимого имущества расширяет предмет уголовно-процессуального залога, но вопросы недвижимости недостаточно совершенно урегулированы, практика использования недвижимости как предмета залога малочисленна, в связи с чем, в данном случае возникают определенные трудности. Нерационален и существующий порядок принятия в качестве залога недвижимого имущества, но, все же расширение предмета залога видится целесообразным и обоснованным. Однако, требуется провести серьезную работу по разработке более эффективной регламентации процедуры внесения в качестве залога недвижимости.

Основными проблемами применительно к предмету залога, видится возможным назвать следующие:

- отсутствие определения недвижимого имущества применительно к залому;
- установление в законе минимальных сумм залога породило трудности в оценке движимого и недвижимого имущества.

Представляется, что в настоящее время необходимо предпринять ряд шагов по решению существующих проблем:

- законодателю следует урегулировать вопрос определения понятия и критериев недвижимого имущества;
- также необходимо определить не только нижний, но и верхний порог стоимости залогового имущества, для того, чтобы исключить возможные злоупотребления со стороны правоприменителей.

Резюмируя рассмотренное в данной главе, можно сделать следующие выводы:

- Залог состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства - в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу.
- Целью залога выступает обеспечение надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого, в связи с чем, залоговая сумма должна возвращаться залогодателю в случае достижения данной цели и никаким иным образом использоваться не может.
- Предметом залога может выступать как движимое, так и недвижимое имущество. Законом в настоящее время определен лишь нижний предел залога, такой подход видится неверным и предлагается определение верхней суммы залога.

Глава 3 Проблемы правового регулирования залога как мер пресечения

3.1 Анализ следственной и судебной практики применения залога

Для того, чтобы понять, насколько эффективна такая мера имущественного принуждения, как залог, в системе мер пресечения, а также для выявления основных проблем, возникающих в правоприменительной практике, видится необходимым проанализировать судебные решения об избрании залога.

В постановлении об избрании залога или об отказе в удовлетворении ходатайства судом в обязательном порядке указываются обстоятельства, на основании которых принималось соответствующее решение. В большинстве случаев, суды соблюдают данные требования.

Так, например, Орловским областным судом отказано в замене меры пресечения в виде заключения под стражу на залог в связи с тем, что основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражей не изменились и не отпали. Суд отметил, что при вынесении решения судья правильно исходил из категорий вероятностного характера, которые свидетельствуют не о реально принятых обвиняемым действиях, а о самой возможности их совершения, учитывая не только род его деятельности, семейное положение и данные о личности ФИО1 до инкриминируемых ему в вину деяний, но и обстоятельства расследования уголовного дела, а также предъявленного обвинения.

Вывод суда о невозможности избрания ФИО1 иной меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества, в том числе в виде домашнего ареста либо залога, мотивирован в судебном решении и является убедительным [5].

Аналогично решение Краснодарского краевого суда. Суд пришел к выводу, что вопреки доводам апелляционной жалобы, на основе представленных предварительным следствием материалов, у суда имелись

достаточные основания полагать, что П.И.А. находясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью, и, опасаясь вынесения в отношении него обвинительного приговора с назначением наказания на длительный срок, с целью избежать уголовной ответственности за содеянное, может скрыться от органов следствия и суда, чем воспрепятствовать производству по уголовному делу [4].

Как одну из проблем, видится необходимым обратить внимание на тот факт, что в ряде случаев суды упускают из виду тот факт, что ходатайство о применении залога суды обязаны рассматривать наряду с ходатайством следователя об избрании в отношении того же лица иной меры пресечения.

Так, Мытищинский городской суд Московской области 23 марта 2018 года удовлетворил ходатайство следователя об аресте Еремина. Из протокола судебного заседания усматривается, что адвокат подозреваемого ходатайствовал также об избрании залога в сумме 30000 рублей. Однако суд в постановлении данное ходатайство стороны защиты не разрешил [36].

Именно деньги представляется необходимым рассматривать как основную форму уголовно-процессуального залога. Примером может являться апелляционное постановление судебной коллегии по уголовным делам Рязанской области о разрешении ходатайства о мере пресечения от 11 февраля 2016 года, которым мера пресечения в виде заключения по стражу В. заменена на залог в сумме 500000 рублей.

Суд пришел к выводу, что оснований, что Верещагин скроется от суда, не имеется. При наличии ходатайства адвоката Плоткиной С.В. и осужденного Верещагина Р.А. об изменении меры пресечения, судья полагает необходимым меру пресечения в виде заключения под стражу Верещагину изменить на залог, из-под стражи его освободить до рассмотрения дела судом апелляционной инстанцией по существу [7].

В то же время, имеются примеры, когда в качестве залогового имущества выступает недвижимость, однако, при этом, судами допускаются нарушения требований закона. Так, Коломенский городской суд применил

залог к обвиняемому по ч. 4 ст. 159 УК РФ Малёмину. Залоговым имуществом суд указал две квартиры, одна из которых принадлежала обвиняемому, вторая – его сестре. В соответствии с ч. 3 ст. 106 УПК РФ не может приниматься в качестве залога имущество, на которое в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом РФ не может быть обращено взыскание. Согласно ст. 446 ГПК РФ на жилое помещение не может быть обращено взыскание, если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением. В указанном случае при определении вида залога суд не проверил, являлись ли квартиры Малёмина и Горбуновой единственным для них и членов их семей местом проживания. Кроме того, в материалах дела отсутствуют сведения о том, что Горбунова ходатайствовала перед судом о принятии у нее залога в виде принадлежащей ей на праве собственности квартиры [36].

Определяя сумму залога, суды в ряде случаев учитывают желание залогодателя, при этом, могут и снижать данную сумму. Так, при рассмотрении ходатайства следователя о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Попова С.А. по материалу № 3/2-298/2018 по ходатайству защиты опрошена Попова М.Ю., которая просила изменить меру пресечения на залог, желая внести залог в размере 5 млн. рублей. Суд, принимая во внимание характеризующие данные на обвиняемого, посчитал возможным изменить меру пресечения с заключения под стражей на залог. Кроме того, суд, учитывая характер расследуемого деяния, имущественное положение залогодателя, а также характер и размер причиненного вреда, посчитал необходимым определить сумму залога в размере 2 млн. рублей.

По материалу о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу № 3/2-364/2017 в отношении Беляевской А.С., защитник просил избрать домашний арест или залог, по ходатайству защиты опрошена Беляевская В.Н., мать обвиняемой, которая просила изменить меру пресечения

на залог, желая внести залог 3 млн. рублей. Суд, принимая во внимание наличие у обвиняемой постоянного места жительства, положительные характеристики по месту работы и учёбы, отсутствие судимости, изменил меру пресечения с заключения под стражей на залог, с суммой залога в размере 3 млн. рублей.

По материалу № 3/2-226/2017 в отношении Глазечева А.Ю., суд изменил меру пресечения с заключения под стражу на залог в размере 3 млн. рублей. Однако залог в установленный законом срок внесен не был. Глазечев А.Ю. был освобожден из-под стражи. Вологодским городским судом Вологодской области от 14 июня 2017 года вынесено частное постановление.

По материалам № 3/4-12/2017, 3/4-13/2017 в отношении Расторгуева В.Л., Серова Л.А. при продлении меры пресечения в виде домашнего ареста защитниками заявлены ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога, суд принял во внимание положительно характеризующие данные на подсудимых, имущественное положение залогодателей, характер и размер вреда, причиненного преступлениями, избрал меру пресечения в виде залога в размере 5 тыс. рублей каждому обвиняемому. Аналогичным образом мера пресечения в виде домашнего ареста была изменена на залог по материалу № 3/4-26/2018 в отношении Уварова А.В. [47].

Суды имеют право применять залог по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, однако, в ряде случаев отказывают в избрании данной меры пресечения на основании того, что лицам инкриминируется совершение тяжких и особо тяжких преступлений с применением насилия к потерпевшим, но, в то же время, впоследствии изменяют меру пресечения в виде заключения под стражу на залог.

Так, Ногинский городской суд отказал следователю в продлении до 4 месяцев срока содержания под стражей Сумарокова С.В. Последний обвинялся в совершении разбоя, группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия, в особо крупном размере. Сумма похищенного

имущества составила 1 350 000 рублей. Необходимость изменения Сумарокову меры пресечения на залог в 5 тыс. рублей суд обосновал отсутствием у него судимостей и наличием постоянного места жительства и работы в г. Уссурийске Приморского края. Однако, эти обстоятельства были известны суду и при избрании меры пресечения в виде содержания под стражей (постановление от 20 мая 2010 года)[36].

Одной из распространенных ошибок, допускаемых судами при избрании залога, является отсутствие в решении суда мотивов избрания данной меры пресечения, установление оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ для избрания меры пресечения.

Так, Егорьевский городской суд, отказывая в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Ворожейкина А.Д., в описательной части постановления установил, что стороной обвинения не представлено достоверных доказательств того, что подозреваемый может скрыться от следствия и суда, продолжить заниматься преступной деятельностью. Суд также признал необоснованными доводы следователя о том, что Ворожейкин может угрожать потерпевшему. Из изложенного следует, что суд в отношении подозреваемого Ворожейкина не установил ни одного из оснований, предусмотренных частью 1 статьи 97 УПК РФ, для избрания ему какой-либо из мер пресечения, в том числе залога [36]. Таким образом, суд, фактически избрал меру пресечения при отсутствии к этому оснований.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что при применении судами меры пресечения в виде залога возникают многочисленные проблемы, связанные как с несовершенством законодательного регулирования оснований и порядка избрания данной меры пресечения, так и с ошибочными толкованиями правовых норм.

3.2 Проблемы определения правового положения залогодателя

Анализ действующего законодательства, регламентирующего избрание такой меры пресечения, как залог, позволяет выделить значительное количество проблем, возникающих в данной сфере. Прежде всего, здесь следует обратить внимание на субъектный состав круга лиц, обладающих правом заявления ходатайства об избрании данной меры пресечения. Сейчас законодатель в качестве таковых называет подозреваемого, обвиняемого, а также любое другое физическое или юридическое лицо. И здесь мы в полной мере разделяем мнение С.И. Вершининой [20, с. 80] о том, что таким образом законодатель допускает ряд противоречий:

Прежде всего, традиционно выбор меры пресечения, которую надлежит избрать в отношении конкретного подозреваемого, обвиняемого в совершении того или иного преступления, предоставляется лицу, производящему расследование. Такой подход присутствует по отношению ко всем мерам пресечения, за исключением залога. И традиционно устоявшаяся позиция о предоставлении полномочий по избранию меры пресечения либо по ходатайству перед судом об избрании меры пресечения следователю или дознавателю, в производстве которого находится уголовное дело, видится вполне обоснованным. Ведь именно у производящего расследования лица имеется полная информация об обстоятельствах совершения преступления, о личности подозреваемого, обвиняемого, которая дает возможность выдвинуть обоснованное предположение о том, какая из имеющихся мер пресечения позволит в полной мере обеспечить достижения целей уголовного судопроизводства. В связи с этим, никак нельзя согласиться с позицией тех авторов, которые полагают, что надлежит ограничить круг лиц, которые вправе возбуждать перед судом ходатайство о применении залога [56, с. 207].

Напротив, необходимо расширить перечень таких лиц, опираясь на традиционные позиции российского уголовного процесса, и включить в него следователя и дознавателя. Представляется, что это и сократит число

направляемых в суд ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В настоящий момент такая мера пресечения, как залог, избирается достаточно редко, и одну из причин этого мы видим в том, что у следователя, в случае, когда, к примеру, обвиняемый, заявляет ходатайство об избрании в отношении него меры пресечения в виде залога, нет никакой возможности удовлетворить это ходатайство. Единственное, что он может сделать в данном случае – обратиться в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, где уже обвиняемый либо иное лицо будет ходатайствовать об избрании в отношении него залога.

В то же время, можно усмотреть и определенные противоречия в правовом регулировании порядка избрания залога, поскольку в ст. 110 УПК РФ никаких ограничений для следователя при изменении меры пресечения не предусмотрено, соответственно, он вправе ходатайствовать об изменении меры пресечения, избранной в отношении обвиняемого, на залог. Это подтверждает и судебная практика.

Так, Череповецкий городской суд Волгоградской области своим постановлением от 03 марта 2017 года по делу № 3/11-1/2017 удовлетворил ходатайство следователя о замене меры пресечения в виде заключения под стражу на залог, приведя в решении следующее обоснование: «Следователь с согласия руководителя следственного органа ходатайствует об изменении меры пресечения в виде заключения под стражей Кудрякову А.В. на залог ввиду ухудшившегося состояния здоровья обвиняемого Кудрякова А.В., а именно у него имеется заболевание- язвенная болезнь двенадцатиперстной кишки, механическая желтуха. Согласно сведениям филиала «Медицинская часть №9 «ФКУЗ «Медико-санитарная часть №35» в настоящее время состояние Кудрякова А.В. характеризуется как тяжелое, противорецидивное лечение, оказываемое ему в условиях ФКУ СИЗО-3 не дает удовлетворительного результата, имеется необходимость постоянного наблюдения за больным гастроэнтерологом в условиях

гастроэнтерологического стационара (БУЗ ВО «Вологодская областная клиническая больница № 2»). По делу осталось выполнить требования ст.ст. 217, 221, ч. 1.1 ст. 221, 255 УПК РФ...

Выслушав стороны, изучив представленные материалы, учитывая характер и степень общественной опасности действий, в совершении которых обвиняется Кудряков А.В., ходатайство нахожу обоснованным, поскольку в представленном материале содержатся сведения, дающие основания его обвинять в совершении преступления, Кудряков А.В. обвиняется в совершении 5 тяжких преступлений и 4 преступлений небольшой тяжести, при этом ухудшилось состояние здоровья обвиняемого Кудрякова А.В., а именно у него имеется заболевание- язвенная болезнь 12перстной кишки, механическая желтуха. Согласно сведениям филиала «Медицинская часть № 9 «ФКУЗ «Медико- санитарная часть № 35» в настоящее время состояние Кудрякова А.В. характеризуется как тяжелое, противорецидивное лечение, оказываемое ему в условиях ФКУ СИЗО-3 не дает удовлетворительного результата, имеется необходимость постоянного наблюдения за больным гастроэнтерологом в условиях гастроэнтерологического стационара (БУЗ ВО «Вологодская областная клиническая больница № 2»). По делу осталось выполнить требования ст. 217, 221, ч.1.1 ст. 221, 255 УПК РФ. Кучевская С.А., сожительница обвиняемого, в ходе предварительного следствия и в настоящем судебном заседании заявила готовность внести на счет СУ СК России по ВО залог за Кудрякова А.В. в сумме 5 тыс. рублей не позднее 3.03.2017года» [47].

Вторая выявленная проблема тесно взаимосвязана с первой. Сейчас законодателем суду предоставлено право принять решение об избрании такой меры пресечения, как залог, по собственной инициативе, когда им принимается решение об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Представляется, что здесь законодателем упущен один важный момент – необходимость получения согласия на избрание данной меры пресечения двух субъектов – обвиняемого и залогодателя, без этого, реализовать судебную инициативу

невозможно. Соответственно, если от указанных лиц ранее ходатайство об избрании меры пресечения в виде залога не поступало, суд обязан получить согласие от этих лиц на избрание залога, обсудить с залогодателем вопросы вида и размера залога. При нежелании обвиняемого быть подвергнутым такой мере пресечения как залог, применение ее невозможно, также, как и при отсутствии залогодателя. Суд своим инициативным решением не может возложить обязанность внесения залога на любое физическое или юридическое лицо, которое не дало на это свое согласие. В том же случае, когда заявлено соответствующее ходатайство, не может идти речи об инициативе суда.

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что применение залога – это сложная процедура, которая должна быть четко урегулирована, с учетом инициатора залога, а также фигуры залогодателя. Поэтому здесь видится логичной позиция некоторых исследователей о том, что процедура применения залога должна рассматриваться как особое производство, осуществляемое в рамках уголовного процесса [49, с. 123].

В то же время, как совершенно справедливо отмечает С.И. Вершинина, было бы неверным вести речь о том, что согласие обвиняемого на избрание в отношении него меры пресечения в виде залога, никак не может рассматриваться как специфическое основание избрания данной меры пресечения [20, с. 81]. И верной также представляется позиция А.С Барабаш о том, что основанием применения залога являются «конкретные данные о личности, позволяющие сделать вывод о применимости залога» [10, с. 117].

Действительно, даже если получено согласие обвиняемого и залогодателя на применение залога, принять решение об избрании данной меры пресечения возможно лишь в том случае, когда будут установлены обстоятельства, влияющие на формирование позитивного социального статуса обвиняемого, раскрывающие его прочные семейные связи, трудовые отношения и т.д. При отсутствии таких связей вряд ли посредством залога

можно обеспечить надлежащее поведение обвиняемого, насколько бы не был велик размер залога.

В то же время, перечисленные обстоятельства могут выступить предпосылкой избрания и иных мер пресечения, которые не связаны с изоляцией от общества. Таким образом, можно утверждать о том, что для выявления уникальности залога в группе мер пресечения, которые не связаны с изоляцией от общества, данных оснований недостаточно. И здесь справедливым представляется мнение Л.Н. Бабича о том, что специальное основание применения залога – это «наличие примененной меры пресечения – содержание под стражей» [8, с. 117]. Такой вывод вполне обоснованно вытекает из того, что сейчас действующий УПК РФ позволяет применять залог только к подозреваемым и обвиняемым, которые содержатся под стражей. Но, в то же время, само по себе содержание лица под стражей, никак не может рассматриваться в качестве достаточного основания избрания меры пресечения в виде залога, так как при принятии решения о применении залога суд исходит из анализа обстоятельств, характеризующих его личность и социальные связи.

Таким образом, можно утверждать, что применение залога обусловлена совокупностью таких обстоятельств, как содержание подозреваемого, обвиняемого под стражей и его положительным социальным портретом, именно данная совокупность и представляет собой основание избрания залога.

Дискуссионным является вопрос о том, какая категория подозреваемых, обвиняемых может освобождаться под залог. Законодатель определяет, что данная мера пресечения может избираться по любой категории преступлений, начиная с преступлений небольшой тяжести и заканчивая особо тяжкими преступлениями. И здесь исследователь Т.И. Шаповалова предлагала внести в УПК РФ перечень составов преступлений, за которые залог должен применяться в качестве обязательной меры пресечения [57, с. 128].

С.В. Богданчиков решил усовершенствовать предложение Т.И. Шаповаловой. Для этого им проводилось анкетирование сотрудников

правоохранительных органов, судей, адвокатов. В анкете среди других вопросов содержался следующий «По делам о преступлениях какой категории, по Вашему мнению, может применяться залог». 7% опрошенных ответили, что данная мера пресечения может применяться по всем категориям преступлений. 93% опрошенных считают, что данная мера пресечения может применяться к лицам, совершившим преступления небольшой и средней тяжести [18, с. 117].

А.С. Баранов также считает, что целесообразно отразить в УПК РФ положение о том, что к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, сопряженные с причинением вреда жизни и здоровью физических лиц, залог применяться не должен, указанные лица должны заключаться под стражу [12, с. 9].

Однако, существует и кардинально иное мнение. Так, С.И. Вершинина считает, что с учетом характера воздействия залога на поведение обвиняемого посредством существенного ограничения не только имущественных прав залогодателя, но и личных прав обвиняемого, можно констатировать, что использование залога по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести в большинстве случаев чрезмерно, так как не всегда адекватно исходящей от обвиняемых угрозе» [20, с. 82]. Поэтому мы в полной мере разделяем мнение о том, что именно по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях залог должен применяться наиболее активно, а по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести – в исключительных случаях.

Несмотря на то, что залог обладает имущественным характером, он все же является мерой принуждения, посредством которой обеспечивается надлежащее поведение лица, виновность которого судом еще не установлена. В связи с этим, было бы совершенно несправедливо исключать возможность освобождения под залог обвиняемого на основании тяжести того преступления, которое ему инкриминировано органами расследования. У каждого лица, заключенного под стражу, должна быть возможность быть

освобожденным под залог, а суд должен обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства при минимальном стеснении личных прав и свобод обвиняемого. Решение такой задачи видится возможным посредством правильного определения размера залога. В том случае, когда суды будут правильно определять размер залога, данная мера пресечения вполне может стать эффективной, при отсутствии совершенствования порядка его применения.

По итогам проведенного исследования проблем правового регулирования залога видится возможным сделать следующие выводы:

Во-первых, поскольку залог применяется исключительно к задержанным лицам либо к тем, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в порядке замены меры пресечения на более мягкую, неверно признавать его самостоятельной мерой пресечения. Фактически он является мерой принуждения, производной от заключения под стражу, альтернативой этой меры пресечения. В связи с этим, видится необходимым законодательно закрепить определенные правила, регламентирующие порядок избрания залога:

- при отсутствии оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу не имеется оснований и для применения залога;
- при наличии ходатайства об избрании залога и положительном социальном портрете подозреваемого, обвиняемого, должен быть применен залог;
- право на применение залога должно быть у подозреваемого, обвиняемого в совершении любого преступления.

Во-вторых, в число лиц, обладающих правом ходатайствовать о применении залога, должны быть включены лица, осуществляющие расследование.

Резюмируя рассмотренное в данной главе, можно сделать следующие выводы:

- При применении судами меры пресечения в виде залога возникают многочисленные проблемы, связанные как с несовершенством законодательного регулирования оснований и порядка избрания данной меры пресечения, так и с ошибочными толкованиями правовых норм.
- Залог по своей сущности не является самостоятельной мерой пресечения, так как он применяется исключительно к задержанным лицам либо к тем, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в порядке замены меры пресечения на более мягкую.
- В целях совершенствования применения залога необходимо закрепить правила его применения, а также возможность ходатайства об избрании данной меры пресечения следователя и дознавателя.

Заключение

По итогам проведенного исследования сформулированы следующие выводы.

Во-первых, можно рассматривать государственное принуждение, в целом и уголовно-процессуальное принуждение, в частности, не в контексте каких-либо мер, а как метод правового воздействия, применяемый в условиях недостаточной эффективности метода убеждения. Меры пресечения представляют собой реализацию государственного принуждения в уголовном судопроизводстве для обеспечения достижения его назначения.

Уголовно-процессуальное принуждение, проявляясь в мерах процессуального принуждения, обладает такими качествами, как целенаправленность, нормативность, наличие особого субъектного состава, процедурность, обоснованность, и имеет правоограничительный характер.

Во-вторых, меры имущественного принуждения в российском уголовном процессе представлены мерой пресечения (залогом) и иными мерами процессуального принуждения (наложение ареста на имущество, денежное взыскание).

С нашей точки зрения, процессуальная регламентация мер процессуального принуждения не совершенна, в связи с чем, видится возможным предложить следующие изменения: необходимо отделить меры пресечения как самостоятельное средство процессуального принуждения а не меры, как то считается в настоящее время.

Меры имущественного принуждения объединяет один общий признак – они обеспечивают надлежащее поведение обвиняемого путем их применения которое основано на ограничении имущественных прав лица.

Данные меры могут воздействовать не только на имущество подозреваемого, обвиняемого, но и на имущество третьих лиц (залог, наложение ареста на имущество).

Целью данных мер может выступать предупреждение несоблюдения участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей (залог, наложение ареста на имущество), а также ответственность за нарушение таких обязанностей (денежное взыскание).

По итогам анализа иных мер процессуального принуждения имущественного характера и выявленным недостаткам видится возможным внести ряд предложений по изменению действующего законодательства.

В целях совершенствования исполнения меры принуждения в виде наложения ареста на имущество видится целесообразным:

Дополнить ст. 115 УПК РФ ч.1.1., в которой четко прописать основания наложения ареста на имущество, порядок оценки данного имущества и его хранения следующим образом:

- «1.1. Стоимость имущества, подлежащего аресту, определяется специалистом. Хранение арестованного имущества осуществляется в порядке ч. 6 настоящей статьи с учетом особенностей, предусмотренных ст. 82 настоящего Кодекса».

Дополнить в целях соблюдения интересов прав потерпевших п. 1.2 ст. 115 УПК РФ:

- В случае отказа следователем, дознавателем в ходатайстве об обращении в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, потерпевший, гражданский истец и их представители имеют право самостоятельно обратиться в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество, предоставив материалы, обосновывающие данное ходатайство.

В целях совершенствования исполнения меры принуждения в виде денежного взыскания видится целесообразным:

- законодательно предусмотреть возможность применения данной меры процессуального принуждения к любому участнику уголовного процесса;

- законодательно предусмотреть обязанность лица, подвергнутого данной мере процессуального принуждения, уведомлять орган, производящий расследование, об уплате денежного взыскания с предоставлением подтверждающих документов;
- законодательно предусмотреть ответственность за неисполнение данной меры процессуального принуждения.

Подводя итог проведенному анализу в отношении понятия залога как меры пресечения и разновидности мер имущественного принуждения, можно сделать следующие выводы:

- после многочисленных законодательных изменений, понятие залога все-таки приобрело свое более полное и развернутое определение. На современном этапе данная мера пресечения стала более доступной для применения в силу детализации регулирования залога;
- залог- это комплексный как уголовно-процессуальный, так и гражданско-правовой институт. Специфика каждого отражается на правовой природе данной меры пресечения.

Залог состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства - в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу.

По итогу проведенного анализа цели, оснований и условий применения залога сделаны следующие выводы:

- залоговую сумму надлежит использовать исключительно как гарантию надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого) и

возвращаться залогодателю. Только таким образом можно достигнуть цели данной меры пресечения;

- в процессуальной литературе нет однозначного мнения по поводу закрепления основания для избрания меры пресечения в виде залога. Совокупность рассмотренных мнений ученых позволяет сказать о том, что при избрании залога в качестве меры пресечения должны быть учтены как общие основания, применимые ко всей системе мер пресечения, так и специальные, относящиеся непосредственно к залогоу;
- формы процессуального порядка избрания залога в качестве меры пресечения не имеют дифференциации в законе. Несмотря на то, что многие процессуалисты полагают необходимым законодательно закрепить обособленные формы залога, представляется, что выделение их в законе усложнит процедуру применения данной меры пресечения, что скажется на эффективности;
- в законе также закреплены порядок обжалования процессуальных решений о залоге и процедура обращения залога в доход государства. Однако процедура возвращения залога залогодателю требует более четкой регламентации;
- урегулированным должен быть вопрос, вызванный противоречиями в связи с предоставлением права лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, самому заявлять ходатайство о применении к нему залога перед судом. С одной стороны, благодаря данному новшеству, добавился элемент состязательности, с другой - возникло противоречие досудебного производства, где инициатива применения мер процессуального принуждения принадлежит государственным органам.

Характеризуя предмет залога, можно сделать следующие выводы:

- движимое имущество как предмет залога не вызывает каких – либо существенных проблем в правоприменительной практике. Несмотря

на то, что наиболее часто залоговым имуществом выступают денежные средства, все же ограничивать предмет залога только деньгами было бы совершенно неверно, в связи с чем, законодатель поступил верно, не введя подобного ограничения. В качестве предмета залога могут выступать и ценные бумаги, однако, вопрос их использования в качестве таковых, до настоящего времени является актуальным и требует дальнейших исследований;

- использование недвижимого имущества расширяет предмет уголовно-процессуального залога, но вопросы недвижимости недостаточно совершенно урегулированы, практика использования недвижимости как предмета залога малочисленна, в связи с чем, в данном случае возникают определенные трудности. Не рационален и существующий порядок принятия в качестве залога недвижимого имущества, но, все же расширение предмета залога видится целесообразным и обоснованным. Однако, требуется провести серьезную работу по разработке более эффективной регламентации процедуры внесения в качестве залога

Представляется, что в настоящее время необходимо предпринять ряд шагов по решению существующих проблем:

- законодателю следует урегулировать вопрос определения понятия и критериев недвижимого имущества применительно к залому;
- также необходимо определить не только нижний, но и верхний порог стоимости залогового имущества, для того, чтобы исключить возможные злоупотребления со стороны правоприменителей.

По итогам проведенного исследования проблем правового регулирования залога сделаны следующие выводы.

При применении судами меры пресечения в виде залога возникают многочисленные проблемы, связанные как с несовершенством законодательного регулирования оснований и порядка избрания данной меры пресечения, так и с ошибочными толкованиями правовых норм.

Поскольку залог применяется исключительно к задержанным лицам либо к тем, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в порядке замены меры пресечения на более мягкую, неверно признавать его самостоятельной мерой пресечения.

Фактически он является мерой принуждения, производной от заключения под стражу, альтернативой этой меры пресечения.

В связи с этим, видится необходимым законодательно закрепить определенные правила, регламентирующие порядок избрания залога:

- при отсутствии оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу не имеется оснований и для применения залога;
- при наличии ходатайства об избрании залога и положительном социальном портрете подозреваемого, обвиняемого, должен быть применен залог;
- право на применение залога должно быть у подозреваемого, обвиняемого в совершении любого преступления.

В число лиц, обладающих правом ходатайствовать о применении залога, должны быть включены лица, осуществляющие расследование.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Азаренок Н.В., Камышин В.Н. Об эффективности изменений норм УПК РФ о залоге и домашнем аресте // Уголовное право. 2010. № 4. С. 49-54.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х томах. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1981. С. 245.
3. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М. : Юридическая литература, 1971. С. 108.
4. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 20 апреля 2018 года по делу № 22-2574/2018// [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2020).
5. Апелляционное постановление Орловского областного суда от 28 марта 2018 года по делу № 22К-405/2018// Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).
6. Апелляционное постановление Псковского областного суда от 13 июня 2018 г. по делу № 22-382/2018 // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).
7. Апелляционное постановление судебной коллегии по уголовным делам Рязанской области от 11 февраля 2016 года// [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).
8. Бабич Л.Н. Залог как мера пресечения в Уголовно-процессуальном кодексе ЛНР // Актуальные проблемы права: теория и практика. 2016. № 35.
9. Базылев Б.Г. Государственное принуждение и правовые формы его осуществления в советском обществе: дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1968. С. 98.
10. Барабаш А.С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // Российский юридический журнал. 2016. № 4 (109). С. 117

11. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 189.
12. Баранов С.А. Залог в современном уголовном процессе России: проблемы нормативного регулирования и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С. 9.
13. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России : учебное пособие. – М. : Проспект, 2004. С. 61.
14. Богданчиков С.В. Залог в уголовном судопроизводстве.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 Москва, 2009.С. 128.
15. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа, 2003. С. 20.
16. Васильева З.В., Кутев Э.К. Меры уголовно – процессуального принуждения: понятие, цели, виды и общая характеристика // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 11. С. 114.
17. Вахленков М.Г. Залог как мера пресечения // Вестник Владимирского государственного университета. 2017. № 5. С. 21.
18. Величко А.В. Правовое регулирование применения залога как меры пресечения в уголовном процессе.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 М., 2001. С.117.
19. Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения. Тольятти, 1999.
20. Вершинина С.И. Проблемы правового регулирования залога как меры пресечения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2(46). С. 80-82.
21. Гараева Т.Б. Особенности правового режима иных мер уголовно – процессуального принуждения Сборник публикаций научного журнала «Globus» по материалам XXVI международной научно-практической конференции: «Экономика и юриспруденция: теория и практика». – С-П. : Научный журнал «Globus», 2017. С. 23.

22. Григорьева А.Е. Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста: дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 Красноярск, 2008. С. 22.
23. Диваев А.Б. Меры пресечения в уголовном процессе: теоретические основы. Новокузнецк, 2020. С. 19.
24. Задерако, К.В. Иные меры процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2005. С. 80.
25. Зинатуллин З.З. Меры процессуального принуждения // Правоведение. 1985. № 1. С. 86.
26. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань: Издательство Казанского университета, 1981. С. 11.
27. Исеев Д.Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России. Дис. ...канд. юрид. наук. Уфа, 2009. С. 41.
28. Колоколов Н.А. Залог, домашний арест: становление практики (Статья 2) // Российский следователь. 2011. № 12. С. 19
29. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов : Изд. Саратовского университета, 1978. С. 19
30. Кудин Ф.М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1987. 30 с.
31. Магомедов Ш.М. Денежное взыскание как иная мера процессуального принуждения // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 1. С. 77.
32. Манжиева Е.В. Классификация мер принуждения: от «смешанного» критерия к связи с объектом обеспечения // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3 (112). С. 156.
33. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М.: Право и Закон, 1996. С. 7.

34. Михайлова О. Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2009. 54 с.

35. Никаев И.Ю., Павлов Е.В. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно - исполнительного права и криминалистики: материалы VI науч.-практ. конф. – Саранск : ЮрЭкс-Практик, 2017. С. 58.

36. Обобщение практики избрания судами Московской области меры пресечения в виде залога // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mosoblsud.ru/> (дата обращения: 01.03.2020).

37. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеологических выражений / Российская Академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

38. Попкова Е.С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 13 с.

39. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой» // СПС «КонсультантПлюс».

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» /

Собрание законодательства Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. N 29 ст. 4490

41. Приговор Самарского районного суда г. Самары от 10 августа 2020 года по делу № 1-67/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).

42. Приговор Самарского районного суда г. Самары от 14 мая 2018 года по делу № 1-38/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).

43. Приговор Самарского районного суда г. Самары от 22 апреля 2019 года по делу № 1-49/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).

44. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 года № 36 (в ред. 21.10.2019) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» // Российская газета. 2004. 5 ноября. № 6, 8, 9.

45. Руднев В.И. Залог в России, «Бейл» в США: сравнительный анализ // Российская юстиция. 2008. №4. С. 43

46. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебное пособие. 2-е изд. М.: ИД «Питер», 2015. 704с.

47. Справка по результатам изучения судебной практики судов Вологодской области по применению мер пресечения, альтернативных заключению под стражу // Обобщение практики избрания судами Московской области меры пресечения в виде залога // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.vld.sudrf.ru/modules>.(дата обращения: 01.03.2020).

48. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 468с.

49. Татьяна Л.Г. Виды особых производств в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26. № 2. С. 123.

50. Тихомирова Л.В. Заключение под стражу, домашний арест и залог: практика применения судами законодательства о мерах пресечения. М., Юнити. 2015. 722с.
51. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2011 года № 174 -ФЗ (ред. от 24.02.2021)// Российская газета. 2001. 22 декабря. № 249.
52. Уголовный процесс в США (досудебные стадии): учеб. пособие / В.Н. Махов, П.А. Пешков. – М., 1998. 208с.
53. Федеральный закон от 4 июня 2014 г. N 141-ФЗ «О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. N 23. ст. 2926.
54. Фокин А.С. Проблемы и тенденции совершенствования института залога в российском уголовном судопроизводстве.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 Ростов-на-Дону, 2007. 213 с.
55. Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти. М., 1999. 270 с.
56. Шамсутдинова Р.З., Абашева Ф.А. Процессуальные проблемы применения меры пресечения в виде залога в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 2-3. С. 207-212.
57. Шаповалова Т.И. Залог как мера пресечения в уголовном процессе и вопросы его применения: монография. / Красноярск : СибЮИ МВД России, 2009. 220 с.
58. Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юридическая литература, 1967. 192 с.